

Оскар Уайльд

Баллада Рэдингской тюрьмы

Перевод английского,
Размером подлинника,

Валерия Брюсова.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
«УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА»
МОСКВА - 1918

ПАМЯТИ

К. Т. У.,

бывшего кавалериста
КОРОЛЕВСКОЙ КОННОЙ ГВАРДИИ.

Скончался
в тюрьме Его Величества
РЭДИНГ,
Беркшир, 7 июля 1896 года.

Баллада Рэдингской тюрьмы**I**

Он больше не был в ярко-красном,
Но он обрызган был
Вином багряным, кровью алой,
В тот час, когда убил, —
Ту женщину убил в постели,
Которую любил.

В одежде серой, в сером кепи,
Меж тех, кто осужден,
И он гулял походкой легкой;
Казался весел он;
Но не знавал я, кто смотрел бы
Так жадно в небосклон.

Да, не знавал я, кто вперял бы
Так пристально глаза
В клочок лазури, заменявший
В тюрьме нам небеса,
И в облака, что проплывали,
Поставив паруса.

Я также шел меж душ страдальных,
Но круг другой свершал.
Я думал о его поступке,
Велик он или мал.
Бедняге в петле быть, — за мною
Так кто-то прошептал.

О, Боже! Словно закачались
Твердыни стен кругом,
И небо налегло на череп,
Как огненный шелом.
Я сам страдал, но позабыл я
О бедствии своем,

Я знал одно: с какою мыслью
Он между нас идет,
И почему он смотрит жадно
На ясный небосвод.
Он ту убил, кого любил он,
И вот за то умрет.

Возлюбленных все убивают, —
Так повелось в веках, —
Тот — с дикой злобою во взоре,
Тот — с лестью на устах,

Кто трус — с коварным поцелуем,
Кто смел — с клинком в руках!

Один любовь удушит юной,
В дни старости — другой,
Тот — сладострастия рукою,
Тот — золота рукой,
Кто добр — кинжалом, потому что
Страдает лишь живой.

Тот любит слишком, этот — мало;
Те ласку продают,
Те покупают; те смеются,
Разя, те слезы льют.
Возлюбленных все убивают, —
Но все ль за то умрут?

Не всем палач к позорной смерти
Подаст условный знак,
Не все на шею примут петлю,
А на лицо колпак,
И упадут, вперед ногами,
Сквозь пол, в разверстый мрак.

Не все войдут в тюрьму, где будет
Следить пытливый глаз,
Днем, ночью, в краткий час молитвы
И слез в тяжелый час, —
Чтоб узник добровольной смертью
Себя от мук не спас.

Не всем у двери в час рассветный
Предстанет страшный хор:
Священник, в белом весь, дрожащий,
Судья, склонивший взор,
И, в черном весь, тюрьмы Смотритель,
Принесший приговор.

Не всем придется одеваться
Позорно впопыхах,
Меж тем как ловит грубый Доктор
В их нервных жестах страх,
И громко бьют, как страшный молот,
Часы в его руках.

Не все узнают муки жажды,
Что горло жжет огнем,
Когда палач в своих перчатках,
Скользнув в тюрьму тайком, —
Чтоб жажды им не знать вовеки,
Окрутит их ремнем.

Не все склонят чело, внимая
Отходной над собой,
Меж тем как ужас сердца громко
Кричит: ведь ты живой!
Не все, входя в сарай ужасный,
Свой гроб толкнут ногой.

Не все, взглянув на дали неба
В окно на потолке
И, чтобы смерть пришла скорее,
Молясь в глухой тоске,
Узнают поцелуй Кайафы
На трепетной щеке.

II

Он шесть недель свершал прогулку
Меж тех, кто осужден.
В одежде серой, в сером кепи,
Казался весел он.
Но не знавал я, кто смотрел бы
Так жадно в небосклон.

Да, не знавал я, кто вперял бы
Так пристально глаза
В клочок лазури, заменявший
В тюрьме нам небеса,
И в облака, что плыли мимо,
Раскинув волоса.

Рук не ломал он, как безумец,
Что посреди могил
Дитя обманное — Надежду —
Охотно б воскресил;
Он лишь глядел на высь, на солнце
И воздух утра пил.

Рук не ломал он и не плакал,
Приняв, что суждено,
Но жадно пил он солнце, словно
Таит бальзам оно,
И ртом открытым пил он воздух,
Как чистое вино.

Шло много там же душ страдальных,
Я с ними круг свершал,
Мы все забыли наш проступок,
Велик он или мал,
За тем следя, угрюмым взором,
Кто петли, петли ждал.

И странно было, что так просто
Меж нами он идет,
И странно было, что так жадно
Он смотрит в небосвод,
И странно было, что убил он
И вот за то умрет.

Листвой зеленой дуб и клены
Веселый май дарит,
Но вечно-серый, любим виперой,
Проклятый столб стоит.

На нем плода не жди, но кто-то,
Сед или юн, висит.

Стоять высоко — всем охота,
Высь всех людей зовет,
Но без боязни, в одежде казни,
Кто встретит эшафот?
Кто смело бросит взгляд, сквозь петлю,
Последний в небосвод?

Плясать под звуки скрипок сладко,
Мечта и Жизнь манят;
Под звуки флейт, под звуки лютен
Все радостно скользят.
Но над простором, в танце скором,
Плясать едва ль кто рад!

Прилежным взглядом, ряд за рядом,
Следили мы за ним,
И каждый думал, не пойдет ли
И он путем таким.
Слепорожденным, знать не дано нам,
Не к Аду ль мы спешим.

И день настал: меж Осужденных
Не двигался мертвец.
Я понял, что на суд, в застенок,
Предстал он, наконец.
Что вновь его увидеть в мире
Мне не судил Творец.

Мы встретились, как в бурю в море
Разбитые суда,
Друг с другом не промолвив слова
(Слов не было тогда), —
Ведь мы сошлись не в ночь святую,
А в горький день стыда,

Двух проклятых, отъединяя нас
От жизни скрип ворот;
Весь мир нас выбросил из сердца,
Бог — из своих забот;
Попались мы в силок железный,
Что грешных стережет.

III

Двор Осужденных! Жестки камни,
С высоких стен — роса...
Там мы гуляли, — свинцом свисали
Над нами небеса.
И зоркий Страж, чтоб кто не умер,
Следил во все глаза.

И тот же Страж следил за Мертвым,
Днем и ночной порой,
Следил, когда вставал он плакать
Иль падал ниц с мольбой, —
Чтоб он себя от эшафота
Не спас своей рукой.

Устав тюремный без ошибки
Тюрьмы Смотритель знал;
Что смерть есть только факт научный,
Нам Доктор объяснял;
В день дважды приходил Священник
И книжки раздавал.

В день дважды пил он кварту пива,
Пускал из трубки дым;
Служитель церкви от волнения
Был разумом храним;
Что руки палачей так близко
Он находил благим.

Но почему так говорил он,
И Страж не смел спросить.
Ведь тот, кому достался в жизни
Печальный долг — следить,
Замком сомкнуть обязан губы,
Лицо под маской скрыть.

Иначе может он быть тронут
И помощь оказать,
А место ль это речь привета,
Как к брату, обращать?
Что в состояньи Состраданье
Там, где должны страдать?

И все удалей мы свершали
Наш шутовской парад.
Что нам! Мы знали, что мы стали
Из Дьявольских бригад!

Обрито темя, цепи бремя —
Веселый маскарад!

Канат кровавыми ногтями
Щипали мы до тьмы,
Мы стены мыли, пол белили,
Решетки терли мы,
Носили ведра, взводом, бодро,
Скребли замки тюрьмы.

Мешки мы шили, камни били,
Таскали пыльный тес,
Стуча по жести, пели песни,
Потели у колес.
Но в каждом сердце скрыт был ужас
И ключ безвестных слез,

Так скрыт, что, словно в травах волны,
Все наши дни ползли,
И жребий страшный, нам грозящий,
Мы позабыть могли.
И мы однажды — пред могилой,
Идя с работ, прошли.

Живой желая жертвы, яма
Зевала желтым ртом,
И грязь про кровь шепталась тайно

С асфальтовым двором.
Сказало это: здесь до света
Он будет с палачом.

Мы промолчали; душу сжали —
Смерть, Ужас и Судьба.
Прошел палач с своей сумою
Походкою раба,
И все, дрожа, к себе вошли мы,
Как в разные гроба.

Толпою Страхов коридоры
В ту были ночь полны,
В железной башне, тихи, страшны.
Шаги теней слышны,
И сквозь бойницы, бледны, лица
Смотрели с вышины.

Он спал и грезил, как уснувший
В весенний день, в лугах.
Следя, не понимали Стражи,
Как спать, забывши страх,
Когда палач стоит за дверью
С веревкою в руках.

Но плакал тот, кто слез не ведал
От всех сон скрылся прочь:
Грабители, убийцы, воры
Не спали в эту ночь;
Страх за того им вторгся в душу,
Кому нельзя помочь.

За грех чужой изведать ужас, —
О, что страшней Творец
До рукояти меч Расплаты
Вонзился в глубь сердец,
Катились слезы за другого
И были — как свинец.

А Стражи, в обуви бесшумной,
Скользили каждый час;
На нас, склоненных, удивленно
Смотрел в окошко глаз:
Они дивились, что мы молились
Быть может, в первый раз.

Минуты длились, мы молились,
Оплакивая труп.
И перья полночи свивались
Над гробом в мрачный клуб;

Вино раскаянья на губке
Казалось — желчь для губ.

Петух пел серый, петух пел красный,
Но не рождался день.
В углах, где мы лежали, Ужас
Водил за тенью тень.
Во тьме кривлялись злые духи,
Забыв дневную лень.

Они скользили, проходили,
Как люди сквозь туман,
Луну дразнили под кадрили,
Сгибая ловко стан.
С чредой поклонов церемонных
Шли из различных стран.

Шли, улыбаясь, шли, кривляясь,
Вперед, рука с рукой,
Плясали странно сарабанду,
Кругом, одна с другой,
Чертили дерзко арабески,
Как ветер над водой.

Марионеток пируэты
Творили на носках,
И масок флейты, масок песни
Нам воем внушали страх.
Они все пели, громко пели,
Тревожа сон в гробах.

*"О, пусть, — кричали, — пышны дали!
В цепях пойдешь куда?
Однажды, дважды кость бросайте,
Играйте, господа!
Но проиграет, кто играет
С Грехом в Дому Стыда!"*

Не рой видений были тени,
Плясавший страшный хор!
Тем, кто в оковах был суровых,
Носил цепей убор, —
Казались, — Боже! — с живыми схожи
Они, пугая взор.

Кружились маски в вальсе, в пляске,
Смеялись нам из тьмы;
Как рой прелестниц, с верху лестниц
Сбегали в глубь тюрьмы;

Глумясь с укором, звали взором,
Пока молились мы.

Вот плакать начал ветер утра,
Но ночь не отошла:
Ночь на своем станке гигантском
За нитью нить пряла.
Молясь, дрожали мы и ждали,
Чтоб Правда Дня пришла.

Вкруг влажных стен тюремных ветер,
Блуждая, грустно выл,
И нас, как колесо стальное,
За мигом миг разил.
О, ветер! Что же мы свершили,
Чтоб ты нас сторожил!

И, наконец, узор решетки
Стал четко виден мне,
Как переплет свинцовый, рядом
С кроватью на стене.
И понял я, что где-то в мире
День Божий — весь в огне.

Мы в шесть часов убрали кельи,
В семь — тишина легла,
Но мощной дрожью чьих-то крыльев
Тюрьма полна была;
С дыханьем льдистым — долг свершить свой
Царица Смерть вошла.

Не шагом бурным, в плаще пурпурном,
Не на коне верхом...
Доска, веревка, парень ловкий —
Вся виселица в том.
Скользнул постыдно (было видно)
Ее Герольд к нам в дом.

Казалось, кто-то чрез болото
Идет в унылой тьме:
Шептать моления мы не смели
И вновь рыдать в тюрьме;
Погасло в каждом что-то разом:
Надежды свет в уме.

Идет все прямо Правосудье,
Не потеряет след,
Могучих губит, губит слабых, —
В нем милосердья нет,

Пятой железной давит сильных, —
Убийца с давних лет!

Мы ждали, чтоб пробило восемь...
Был сух во рту язык...
Мы знали: восемь — голос Рока,
Судьбы проклятый крик.
Равно для злых и правых петлю
Готовит Рок в тот миг.

Что было делать, как не ждать нам,
Чтоб этот знак был дан?
Недвижны, немые были все мы,
Как камни горных стран,
Но сердце с силой било, словно
Безумец в барабан.

Внезапно всколыхнул молчанье
Часов тюремных звон;
И вдруг, как волны, все наполнил
Бессильной скорби стон:

Так прокаженные тревожат,
Вопя, болотный сон.

Как лики ужаса являет
Порой нам снов кристалл, —
Мы вдруг увидели веревку,
Нам черный крюк предстал,
Мы услышали, как молитву
Палач в стон смерти сжал.

Весь ужас, так его потрясший,
Что крик он издал тот.
Вопль сожаленья, пот кровавый,
Их кто, как я, поймет?
Кто жил не жизнь одну, а больше,
Не раз один умрет,

IV

В день казни нет обедни в церкви,
Ее нельзя свершать:
Священник слишком болен сердцем,
Иль бледен он, как тать,
Иль то в его глазах прочтем мы,
Что нам нельзя читать.

Мы были заперты до полдня...
Но, слышим, вот звонят...
Бренча ключами, молча Стражи
Открыли келий ряд.
Пошли мы лестницей железной,
Свой покидая Ад.

Хотя на Божий свет мы вышли,
Наш круг был изменен:
Один от страха весь был бледен,
Другой, как стебель, склонен,
И не знавал я, кто смотрел бы
Так жадно в небосклон.

Да, не знавал я, кто вперял бы
Так пристально глаза
В клочок лазури, заменявший
В тюрьме нам небеса,
И в облака, что плыли мимо,
Чтоб окропить леса.

И не было меж нас такого,
Кто б, с бледностью лица,
Не думал, что и он достоин
Такого же конца:
Ведь если он убил живого,
То эти — мертвеца.

Тот, кто вторично грех свершает,
Терзает мертвых вновь,
Он с них срывает страшный саван
И вновь их точит кровь,
Вновь точит кровь, за каплей каплю,
И убивает вновь.

Как клоуны, в наряде диком,
В рисунке двух кругов,
Мы молча шли асфальтом скользким,
Вкруг, вкруг, все сто шагов,

Мы молча шли асфальтом скользким,
И каждый шел без слов.

Мы молча шли асфальтом скользким,
И через каждый ум
Носилась Память об ужасном,
Как ветра дикий шум,
И перед каждым мчался Ужас,
И Страх стоял, угрюм.

Взад и вперед ходили Стражи,
Как пастухи в стадах,
Одеты в праздничное платье,
В воскресных сюртуках,
Но выдавала их деянье
Нам известь на ногах.

Где широко зияла яма,
Ее мы не нашли.
Виднелись у стены тюремной
Песок и слой земли,
Да комья извести, как саван,
Над мертвым сверх легли.

Да! Был у мертвого свой саван, —
Не многим дан такой!
Труп обнажен, чтоб стыд был больше,
Но за глухой стеной
Лежит в земле, — закован в цепи, —
В одежде огневой.

И пламя извести все гложет
Там тело мертвеца:
Ночами жадно гложет кости,
Днем гложет плоть лица,
Поочередно плоть и кости,
Но сердце — без конца!

Три долгих года там не сеют
И не сажают там,
Три долгих года там не место
Ни травам, ни цветам;
Земля молчит, не шлет упрека
Смущенным небесам.

Им кажется: убийцы сердце
Отравит сок стеблей.
Неправда! Взысканная Богом,
Земля добрей людей:

Алей цвет алой розы будет
И белой цвет — белей.

Даст сердце стебли розы белой,
Рот — стебли алых роз,
Кто знает, чем святую волю
Готов явить Христос,
С тех пор как посох Парсифаля
Цветами вдруг пророс?

Нет! Белым розам, алым розам
В тюрьме не место жить.
Кремень, булыжник, черепица —
Все, что здесь может быть:
Цветы могли б иное горе
Порою облегчить.

Нет! Ни один — ни розы алой,
Ни белой — лепесток
Не упадет близ стен проклятых
На землю иль песок,
Не скажет узникам, что умер
За всех распятый Бог.

И все ж, хотя стеной проклятой
Тот мертвый окружен,
И дух того не бродит ночью,
Кто цепью отягчен,
И дух того лишь стонет жалко,
Кто в известь схоронен, —

Он все ж — несчастный — дремлет в мире,
Иль в мире будет он:
Он Ужасами не тревожим,
Он Страхом не смущен,
В земле нет ни Луны, ни Солнца,
Где бедный схоронен.

Как зверь, он ими был повешен,
И реквием святой
Не пел над ним, как утешенье
Его душе больной.
С поспешностью он унесен был,
Зарыт в земле сырой.

Раздетый труп они швырнули
(Пусть мухи поедят!),
Смеялись, что так вздуто горло,
Чист и недвижим взгляд,

И с хохотом ему творили
Из извести наряд.

Колен Священник не преклонит
Перед могилой той,
Пред ней не сделает, с молитвой,
Он знак креста святой,
Хоть ради грешников Спаситель
Сошел в наш мир земной.

Но что ж! Грань жизни перешел он;
То участь всех живых.
В разбитой урне Сожалений
Потоки слез чужих.
О нем отверженцы рыдали,
Но плакать — доля их.

V

Прав или нет Закон, — не знаю:
То знать мы не должны.
Мы, узники, одно мы знаем,
Что прочен свод стены,
Что день в тюрьме подобен году,
Что дни его длинны.

И знаю я, что все Законы
(Создание людей),
С тех пор как брат убит был братом
И длится круг скорбей, —
Зерно бросают, лишь мякину
Храня в коре своей.

Я также знаю, — и должны бы
О том все знать всегда, —
Что люди строят стены тюрем
Из кирпичей стыда
И запирают, чтоб Спаситель
Не заглянул туда.

Они свет Солнца запирают
И милый лик Луны,
Они свой Ад усердно прячут,
И в нем схоронены
Дела, что люди и Сын Божий
Увидеть не должны!

В тюрьме растет лишь Зло, как севы
Губительных стеблей.
Одно достойно в том, кто гибнет
И изнывает в ней:
Что в ней Отчаяние — сторож,
А Горе — спутник дней.

Здесь могут голодом ребенка
И день и ночь терзать,
Бить слабых, мучить сумасшедших
И старцев оскорблять.
Те гибнут, те теряют разум,
И все должны молчать.

Живут здесь люди в кельях узких,
И тесных, и сырых,
В окно глядит, дыша отравой,
Живая Смерть на них,

И, кроме Похоти, все стало
Прах — в образах людских.

Поят водою здесь гнилою,
Ее мы с илом пьем;
Здесь хлеб, что взвешен строго, смешан
С известкой и с песком;
Здесь сон не дремлет: чутко внемлет,
Крича, обходит дом.

Пусть тощий Голод с Жаждой бледной,
Как две змеи, язвят,
Пусть сохнет тело, — что за дело! —
Другой ужасней яд:
Мы днем таскаем камни, — ночью
Они в груди лежат.

Здесь в келье — сумрак, в сердце — полночь.
Здесь всюду — мрак и сон.
Колеса вертим, паклю щиплем,
Но каждый заключен
В Аду отдельном, и молчанье
Страшней, чем медный звон,

Никто не подойдет к нам с речью
Приветной и живой,
Лишь глаз к нам смотрит сквозь решетку
Безжалостный и злой;
Забыты всеми, гибнем, гибнем
Мы телом и душой!

Одни, унижены, мы ржавим
Цепь жизни без конца.
Те плачут, те клянут, те терпят
С бесстрастностью лица, —
Но камни сердца раздробляет
Благой Закон Творца.

Сердца, разбитые в темницах,
Благоуханье льют,
Так, как у ног Хряста разбитый
Альвастровый сосуд,
И дивным полон ароматом
Земных грехов приют.

О, счастлив тот, чье сердце может
Разбиться на пути!
Как иначе очистить душу
И новый путь найти?

Когда не в глубь сердец разбитых, —
Куда Христу сойти?

И тот, чье вздуто было горло,
Чист и недвижим взгляд.
Ждал рук Того, Кем был разбойник
С креста на Небо взят.
Сердцам разбитым и печальным
Христос являться рад.

Тот в красном, кто читал Законы,
Ему отсрочку дал, —
Три маленьких недели жизни,
Чтоб он свой грех сознал
И кровью искупил минуту,
Когда он нож держал.

Омыли слезы крови руку,
Что кровью залита.
Смывается кровь только кровью,
И влага слез — чиста.
Знак Каина кровавый — белой
Печатью стал Христа.

VI

Близ Рэдинга есть замок Рэдинг.
И ров позорный в нем.
Во рву лежит один несчастный,
Сжигаемый огнем;
В горячем саване лежит он,
Без имени над рвом.

Пусть он до дня, когда вострубит
Архангел, мирно опит.
Шум лишних вздохов, слез ненужных
Его пусть не смутит.
Убил он ту, кого любил он,
И вот за то убит.

Возлюбленных все убивают, —
Так повелось в веках, —
Тот — с дикой злобою во взоре,
Тот — с лестью на устах,
Кто трус — с коварным поцелуем,
Кто смел — с клинком в руках!

1898.